

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя.

XI ¹⁾.

Мысленное обращеніе къ моей почти сорокалѣтней судебной службѣ (съ 17 апрѣля 1866 г.) вызываетъ предомною длинный рядъ образовъ. Въ памяти проходятъ личности судебныхъ слѣдователей, товарищей прокурора, судей, защитниковъ, свидѣтелей, свѣдущихъ людей и различнаго ранга администраторовъ. „Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten“, могъ бы сказать и я... Я говорилъ уже о *мировыхъ судьяхъ* ²⁾. Обращусь теперь къ *судебнымъ слѣдователямъ*.

Предъ самымъ введеніемъ судебной реформы въ Казанской губерніи я былъ назначенъ прокуроромъ Самарскаго окружнаго суда и, не успѣвъ еще выѣхать изъ Петербурга, былъ переведенъ въ Казань на ту же должность съ возложеніемъ на меня обязанностей и губернскаго прокурора впредь до закрытія судебныхъ мѣстъ стараго устройства. Работы было очень много, но дѣлалась она съ любовью и большимъ увлеченіемъ. Нѣкоторые изъ лицъ Казанскаго общества говорили мнѣ впоследствии о томъ удивленіи, съ которымъ они замѣчали, проѣзжая далеко за полночь по пустынной Воскресенской улицѣ, свѣтъ въ окнахъ официальнаго прокурорскаго кабинета въ нижнемъ этажѣ окружнаго суда, гдѣ я работалъ почти безвыходно. Имъ было невѣдомо и непонятно то восторженное настроеніе, съ которымъ молодые судебные дѣатели приступали къ святому дѣлу

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1909 г.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1909 г. № 4.

реформы, когда интересовала каждая мелочь, когда волна солидарнаго одушевленія дѣлала всякую работу пріятной и когда, поэтому, говоря словами поэта, „каждый гвоздикъ вбивался съ любовью“.

Одной изъ важныхъ заботъ по введенію реформы было образованіе состава судебныхъ слѣдователей изъ тѣхъ, которыхъ мы нашли на мѣстахъ, дѣйствующими по Наказу 1860 года.

Этотъ Наказъ составилъ несомнѣнно огромный шагъ впередъ противъ архаическихъ порядковъ производства слѣдствія по II ч. XV тома Свода Законовъ, порядковъ, пропитанныхъ насквозь безцѣльной и отяготительной канцелярской формалистикой и отражавшихъ на себѣ, въ существенныхъ частяхъ, систему предустановленныхъ доказательствъ. Слѣдователи стараго времени, т. е. полицейскіе чины, производившіе предварительное изслѣдованіе, не могли не быть связаны—даже и при доброй волѣ и желаніи вести дѣло внѣ всякихъ постороннихъ соображеній—представленіемъ о томъ, что ихъ работа будетъ обсуждаться келейно и по докладу секретарей въ цѣломъ рядѣ судебныхъ инстанцій, восходя въ нихъ по апелляціи и на ревизію, при чемъ косвеннымъ уликамъ, играющимъ такую важную роль въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ, будетъ удѣлено самое малое вниманіе, одѣнка же свидѣтельскихъ показаній будетъ произведена на основаніи правилъ о *совершенныхъ и несовершенныхъ* доказательствахъ. А послѣднія требовали признанія негодными показаній „иностранцевъ, поведеніе коихъ неизвѣстно“, людей, „тайно портившихъ межевые знаки“, и людей, признанныхъ по суду „явными прелюбодѣями“. Эти слѣдователи знали, что ихъ подчасъ очень трудная работа въ концѣ-концовъ приведетъ, въ большинствѣ случаевъ, къ явному уклоненію отъ правосуднаго рѣшенія въ формѣ *оставленія въ подозрѣніи*, которое,—несмотря на вопіющую иногда обстановку преступленія и краснорѣчіе совокупности уликъ—можетъ быть обращено въ обвинительный приговоръ лишь при наличности собственнаго признанія обвиняемаго, считаемаго, по выраженію закона, „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта“. Это „лучшее доказательство“ служило не разъ большимъ соблазномъ для производившихъ слѣдствія и толкало ихъ на различныя злоупотребленія, о которыхъ я подробно говорилъ въ описаніи жизни и дѣятельности знаменитаго Московскаго губернскаго прокурора Д. А. Ровинскаго¹⁾.

Наказъ судебнымъ слѣдователямъ 1860 г. имѣлъ большія достоинства. Онъ создавалъ новую должность, не связанную органически съ полиціей (въ столицахъ слѣдователи назывались приставами слѣдственныхъ дѣлъ) и освобождалъ дѣятельность

¹⁾ Очерки и воспоминанія. С.-Петербургъ. 1906 г. стр. 521—624.

лицъ, занимавшихъ эту должность, отъ ряда стѣснительныхъ формальностей, отнимавшихъ массу времени не только безъ пользы, но и со вредомъ и для дѣла, и для лишаемаго свободы обвиняемаго. Но если Наказъ составлялъ шагъ впередъ, то судъ по-прежнему стоялъ на мѣстѣ, и въ этомъ ихъ противорѣчіи состоялъ главный недостатокъ отправленія уголовного правосудія, требовавшей не лалліативныхъ, а радикальныхъ мѣръ, нашедшихъ себѣ затѣмъ выраженіе на страницахъ Судебныхъ Уставовъ. Это особенно ясно сознавали молодые пристава слѣдственныхъ дѣлъ къ которымъ въ Петербургѣ принадлежали многіе изъ будущихъ видныхъ дѣятелей обновленнаго суда, какъ напр. С. Ф. Христіановичъ, П. Я. Александровъ, А. Н. Турчаниновъ и др. Они дѣятельно готовились къ воспріятію на практикѣ новыхъ судебныхъ порядковъ, и въ ихъ средѣ образовался кружокъ, послужившій зерномъ будущаго юридическаго общества. Здѣсь изучались приемы западно-европейскаго гласнаго и устнаго процесса, свободнаго отъ предустановленныхъ доказательствъ и направленнаго къ созданію рѣшенія, основаннаго на внутреннемъ убѣжденіи совѣсти. Здѣсь, между прочимъ, былъ подробно пересмотрѣнъ и освѣщенъ громкій процессъ жены инспектора студентовъ Кіевскаго университета Дудниковой, обвиняемой въ убійствѣ мужа, и рѣшенъ на основаніи косвенныхъ уликъ иначе, чѣмъ это было сдѣлано отживавшимъ свой вѣкъ уголовнымъ судомъ. Въ провинціи однако старая закваска была еще довольно сильна и поэтому введенію судебной реформы должна была предшествовать тщательная провѣрка силъ, способностей и приемовъ наличныхъ судебныхъ слѣдователей.

Для этого требовалась тщательная ревизія, о результатахъ которой прокуроръ судебной палаты долженъ былъ представить докладъ министру юстиціи. Производство ревизій по отдѣльнымъ уѣздамъ и участкамъ слѣдователей въ Казанской губерніи прокуроръ палаты возложилъ на меня и нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей. Мнѣ пришлось побывать въ теченіе октября 1870 года въ Козьмодемьянскомъ, Свіяжскомъ, Ланшевскомъ, Чистопольскомъ и Мамадышскомъ уѣздахъ.

Въ общемъ—слѣдователи переходной формации оказались людьми добросовѣстными, знающими и трудолюбивыми. Пришлось признать неподходящими лишь двухъ, опустившихся подъ вліяніемъ жизни въ глухомъ городкѣ и засосанныхъ провинціальной тиной. Ознакомленіе съ дѣлами ихъ производства напомнило мнѣ то мѣсто изъ „Тюрьмы и ссылки“ Герцена, въ которомъ онъ описываетъ заголовки дѣлъ, найденныхъ имъ въ губернаторской канцеляріи и въ губернскомъ правленіи въ Вяткѣ, между которыми оказались „дѣло о по-

терѣ неизвѣстно куда дома волостного правленія и объ изгрызеніи плана онаго мышами“, „дѣло о потерѣ двадцати двухъ казенныхъ оброчныхъ статей (около пятнадцати верстъ)“ и „дѣло о перечисленіи крестьянскаго мальчика Василя въ женскій полъ“. Такъу одного изъ обревизованныхъ мною судебныхъ слѣдователей я нашелъ дѣла „о чародѣйствахъ крестьянина Андреева“ и „о прелюбодѣянніи крестьянина Федорова съ трехмѣсячной телицей“, а у другого дѣла „о произнесеніи похвальныхъ словъ“, „объ отнятїи кафтана“, „о происшествїи, заключающемся изъ преждевременныхъ родовъ“, „о намѣреніи крестьянина Сарафутдинова зарѣзать жену“, „о сомнительномъ причиненіи смерти“ и „о крестьянинѣ Василю Шалинѣ, обвиняемомъ въ нанесеніи волостному старшинѣ кулаками буйства на лицѣ“.—У одного изъ ревизуемыхъ слѣдователей нашлось среди множества запущенныхъ производствъ дѣло о дракѣ крестьянина Н. съ мѣщаниномъ М. „Что же тутъ? спросилъ я его: смерть? увѣчье? раны?“ Онъ посмотрѣлъ на меня растеряннымъ взглядомъ и затѣмъ пылливо уставился на сидѣвшаго съ угрюмымъ видомъ за отдѣльнымъ столикомъ письмоводителя, который, очевидно, ближе былъ знакомъ съ дѣлами, чѣмъ самъ слѣдователь. — „Этого обстоятельства нѣтъ“, отвѣтилъ тотъ, обращаясь ко мнѣ.—„Такъ почему же это дѣло въ вашемъ производствѣ?“ Слѣдователь опять вопросительно посмотрѣлъ на письмоводителя. Взломъ!—произнесъ тотъ вразумительно.—Да, да,—заторопился слѣдователь:—драка была со взломомъ.—Удивившись такой квалификаціи преступнаго дѣянїя, подсуднаго въ простомъ своемъ видѣ мировому судѣ, а не общимъ судамъ, я сталъ разсматривать производство. Оказалось, что обвиняемый хотѣлъ побить потерпѣвшаго и приступилъ къ исполненію своего намѣренія, но послѣдній вырвался и заперся въ отхожемъ мѣстѣ,—однако вошедшій во вкусъ кулачной расправы обвиняемый выломалъ дверь „мѣста уединенныхъ размышленій“ и тамъ паки побилъ укрывающагося. Слѣдователь, или, вѣрнѣе, его письмоводитель нашелъ здѣсь наличность взлома, и такъ какъ кража со взломомъ подсудна общимъ судамъ, то по аналогіи призналъ, что „драка со взломомъ“ должна подлежать преслѣдованію тѣмъ же путемъ.

Въ другомъ, гораздо болѣе серьезномъ случаѣ, въ одномъ приволжскомъ городѣ, у чрезвычайно развязнаго и франтоватаго слѣдователя, — „души“ мѣстнаго общества — я нашелъ огромныя залежи дѣлъ, при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ оставались безъ производства около четырехъ лѣтъ. Между ними оказалось озаглавленное весьма странно: „*О кладнушкѣ, усмотрѣнной на Волгѣ*“. — Что это за преступленіе? спросилъ я у слѣдователя. — А право не помню, — отвѣтилъ онъ мнѣ съ обезоружи-

вающею откровенностью — надо посмотреть. Я еще не всё дѣла пересмотрѣлъ, принятыя отъ предмѣстника. Вѣроятно, какой-нибудь вздоръ.—Однако, позвольте, вѣдь вздоръ-то этотъ въ очень толстомъ томѣ.—И я взялъ дѣло съ собою, разсмотрѣлъ его подробно и пришелъ въ ужасъ. Оказалось, что за четыре года передъ этимъ, на Волгѣ, противъ одного изъ прибрежныхъ селеній, была дѣйствительно усмотрѣна стоящая на якорѣ кладнушка, т. е. маленькое, полупалубное судно, одно изъ тѣхъ, въ которыхъ некрупные торговцы въ то время развозили свой товаръ, имѣя въ качествѣ экипажа обыкновенно одного работника. Такъ какъ на кладнушкѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней не было замѣчено никакихъ признаковъ жизни, то нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ поѣхали полюбопытствовать, что это значитъ,—и нашли кладнушку пустою, товаръ разграбленнымъ, мѣдныя деньги изъ сундучка, въ которомъ, очевидно, хранилась выручка, разсыпанными, а на палубѣ топоръ съ окровавленнымъ обухомъ и потоки застывшей крови. Было ясно, что совершено убійство одного или двухъ человѣкъ и ограбленіе хозяина кладнушки, и что убійца или убійцы скрылись, воспользовавшись привязаннымъ къ кладнушкѣ челнокомъ. Началось дознаніе и слѣдствіе, въ города Волги и Камы было дано знать, возникла обширная переписка, и черезъ два мѣсяца въ Перми была арестована женщина-укрывательница, выдавшая работника убійцу и его сообщника, при чемъ послѣдній сознался. Всѣ трое были заключены подъ стражу въ Перми, а протоколъ ихъ допроса препровожденъ „душѣ общества“, только что вступившему въ завѣдываніе слѣдственнымъ участкомъ. На дѣлѣ была сдѣлана идилическая надпись: „О кладнушкѣ, усмотрѣнной на Волгѣ“, и оно пролежало безъ движенія четыре года.

Самымъ слабымъ изъ тѣхъ слѣдователей, которыхъ я признавалъ необходимымъ оставить и при новыхъ судахъ, былъ старикъ Маруто-Суколь-Краснопольскій, которому оставалось до пенсіи всего три года. Онъ съ педантической точностью исполнялъ всѣ предписанія старой слѣдственной практики, писалъ огромныя постановленія по формѣ, установленной для рѣшеній старыхъ судовъ, при чемъ обычныя слова „слушали“ и „приказали“ (а послѣ „приказали“ снова излагалось все то, что „слушали“) замѣнялъ лишь словами „разсматривалъ“ и „постановилъ“. Онъ велъ допросы по пунктамъ и составлялъ архаическую дневную записку. Мало даровитый, но честный труженикъ, онъ смотрѣлъ на судебную реформу, какъ на грозную тучу, способную потрясти и матеріально разрушить его личное, семейное и служебное положеніе почти наканунѣ заслуженнаго отдыха. Это невольно сказывалось въ его тревожныхъ

окольныхъ разспросахъ, въ которыхъ звучалъ затаенный страхъ не быть командированнымъ къ исполненію обязанностей слѣдователя при новомъ судѣ. Я старался его успокоить, какъ могъ, откровенно указалъ ему на „*les défauts de ses vertus*“ и просилъ его въ остающееся до открытія новаго суда время изучить новые приемы производства и приспособиться къ нимъ. Мы разстались оба успокоенные за его судьбу, и я въ своемъ представленіи прокурору палаты, не скрывши нѣкоторой медлительности работы Маруто, тѣмъ не менѣе горячо рекомендовалъ его оставить и при новыхъ назначеніяхъ, съ чѣмъ первый и согласился. Человѣкъ съ тонкимъ умомъ, остроумный и обворожительный въ обращеніи, покоритель не только женскихъ, но и мужскихъ сердецъ, искусный мастеръ умѣть заставлять другихъ работать, знатокъ условій и отношеній провинціальной жизни, бывшій по прежней административной службѣ въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Салтыковымъ-Щедринымъ, прокуроръ палаты не былъ однако склоненъ поступаться личными или служебными интересами во имя чужихъ нуждъ и осуществлялъ на практикѣ правило о томъ, что „*la charité bien comprise compense par soi-même*“, облекая проведеніе этого начала въ форму изысканной любезности. Такъ случилось и по отношенію къ бѣдному Маруто. Представленіе министру о назначеніи признанныхъ по ревизіи годными слѣдователей и объ оставленіи за штатомъ непригодныхъ было уже готово къ отсылкѣ, когда пришло письмо вліятельнаго и „нужнаго“ правителя канцеляріи Министерства Юстиціи Бурлакова, съ просьбою дать одну изъ вакансій слѣдователя по Казанской губерніи его протее, имѣвшему, впрочемъ, на такую должность формальныя права и оказавшемуся впоследствии человѣкомъ весьма дѣльнымъ. Властною рукою прокурора палаты бѣдный старикъ былъ перенесенъ въ списокъ оставляемыхъ за штатомъ, а на мое усиленное заступничество послѣдовалъ отвѣтъ: „Ну, что же дѣлать? Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ! Нужна вакансія“. Черезъ три мѣсяца послѣ открытія судовъ мнѣ пришлось участвовать въ особомъ присутствіи губернскаго правленія при освидѣтельствованіи умственныхъ способностей бывшаго слѣдователя Маруто-Суколь-Краснопольскаго, впаваго въ мрачную меланхолю. Я не могъ невольно не припомнить этой тягостной картины, когда лѣтъ черезъ десять мнѣ пришлось навѣстить дровосѣка, отъ рубки котораго пострадала эта щепка, уже сенатора, умираваго въ мрачномъ отчужденіи отъ людей съ душевной раной, причиненной смертью любимой дочери.

Производя эту ревизію, я осматривалъ вмѣстѣ съ тѣмъ тюремныя помѣщенія и въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ былъ пораженъ

состояніемъ тюремнаго замка, представлявшаго собою сырую и мрачную, обветшалую каменную постройку, окруженную высокимъ тыномъ изъ заостренныхъ кольевъ. Внутри было темно, до крайности тѣсно и безъ всякихъ приспособленій для мало-мальски гигиенической обстановки. Традиціонная параша, вносямая въ камеры на ночь, составляла необходимую принадлежность послѣднихъ. Арестанты имѣли удрученный и болѣзненный видъ. Въ общей женской камерѣ воздухъ былъ таковъ, что, какъ говоритъ нашъ простой народъ, въ немъ можно было топоръ повѣсить. Всѣ жаловались на дурное качество пищи и въ особенности на ея отталкивающее однообразіе. На мои замѣчанія смотритель и исправникъ только переглядывались, а директоръ мѣстнаго тюремнаго комитета безнадежно пожималъ плечами и говорилъ вполголоса: „нѣту средствъ“. Затѣмъ пришлось посѣтить помѣщеніе для приговариваемыхъ мировыми судьями къ аресту. Старинный дворянскій домъ-особнякъ, съ тоже традиціонными львами по бокамъ воротъ, выкрашенными въ темно-зеленую краску, состоялъ изъ ряда большихъ свѣтлыхъ комнатъ, въ которыхъ просторно были размѣщены кровати со столиками, графинами для воды и прочими принадлежностями. На стѣнахъ были развѣшены раскрашенныя литографированныя картинки изъ русской исторіи. Въ ванной комнатѣ было устроено нѣчто въ родѣ душа; на каждой постели лежалъ зимній и лѣтній халатъ и стояли двѣ пары туфель легкихъ и теплыхъ. Но прекрасное помѣщеніе это было пусто. Мѣстное населеніе, состоявшее въ значительной части изъ луговыхъ черемисъ, жившихъ въ жалкихъ курныхъ избахъ и страдавшихъ отъ этого по большей части глазами,—выходившихъ на охоту въ то время еще съ лукомъ и стрѣлами, давало небольшое количество арестуемыхъ. Поэтому лѣтомъ прекрасное помѣщеніе нерѣдко подолгу пустовало и принимало срочныхъ жильцовъ только съ осени. Контрастъ между обоими помѣщеніями для лишенія свободы и между послѣднимъ изъ нихъ и обычной житейской обстановкой большинства приговариваемыхъ невольно бросался въ глаза. На вопросъ мой попечителю арестнаго дома, видимо чрезвычайно довольному собою и показанною мнѣ обстановкой, о томъ, не соблазняютъ ли къ побѣгу окна нижняго этажа, отстоящія фута на два отъ земли и свободно раскрываемыя настежь, онъ отвѣчалъ мнѣ, что первоначально хотѣли сдѣлать въ окнахъ рѣшетки, но потомъ оставили эту мысль, потому что видъ рѣшетки производилъ бы непріятное впечатлѣніе на заключенныхъ, напоминая имъ, что они лишены свободы. „Помилуйте, господинъ прокуроръ,—вмѣшался смотритель, добродушный старичокъ изъ отставныхъ военныхъ—какія тутъ рѣшетки: никто и такъ не убѣ-

жить! Имъ тутъ первое время точно что не по себѣ, никакъ ихъ къ этимъ нашимъ устройствамъ не приучишь, ну, а потомъ, какъ обживутся, такъ ничѣмъ ихъ отсюда не выкуришь. Отсидитъ свой срокъ, объявишь ему, а онъ уходитъ и не думаетъ. Нѣкоторыхъ даже силою выдворять приходилось, особливо если въ серединѣ зимы“. Нѣсколько лѣтъ спустя лицо, имѣвшее случай просмотрѣть журналы особой комиссіи, завѣдывавшей въ Петербургѣ постройкой дома предварительнаго заключенія, увѣряло меня, ручаясь за достовѣрность, что въ одномъ изъ этихъ журналовъ очень крупный расходъ на устройство большихъ и красивыхъ итальянскихъ оконъ, выходящихъ по фасаду на Захарьевскую улицу, оправдывался между прочими соображеніями и тѣмъ, что при отсутствіи такихъ оконъ зданіе будетъ напоминать тюрьму...

Во время той же поѣздки я имѣлъ оригинальную встрѣчу. При посѣщеніи одного изъ приволжскихъ уѣздныхъ городовъ мнѣ пришлось познакомиться съ мѣстнымъ исправникомъ, человѣкомъ уже пожилымъ, но сохранившимъ большую физическую и умственную свѣжесть. И онъ, и его домашняя обстановка произвели на меня хорошее впечатлѣніе... Уѣзжая вечеромъ на пароходъ, куда онъ пріѣхалъ меня проводить, я выразилъ ему удовольствіе, что имѣлъ случай лично съ нимъ познакомиться. „Да вы уже со мной знакомы,—сказалъ онъ, весело улыбаясь.—вы обо мнѣ, конечно, читали—и на мой вопросительный взглядъ продолжалъ:—вы у Щедрина, конечно, читали въ „Губернскихъ Очеркахъ“. Извольте помнить: исправникъ Фейеръ? Вотъ тотъ самый, который, когда для оффиціальнаго обѣда рыбу, подходящую по росту и наружности, подобрать не могутъ, говорятъ рыбаку: „да ты рыбакъ или нѣтъ?—Да рыбакъ, это точно.—Ну, а начальство знаешь?—Какъ не знать, знаю.—Ну, слѣдовательно... и нашлась именно такая рыба, какую нужно. Такъ вотъ этотъ Фейеръ—я и есть! Я прежде въ Вятской губерніи служилъ, ну Михаилъ Евграфовичъ меня и описалъ, только фамилію чуть-чуть измѣнилъ. Давно это было, лѣтъ двадцать прошло, другія времена были. Счастливаго пути“!..

Служа въ провинціи, я вынесъ о судебныхъ слѣдователяхъ Казанскаго и Харьковскаго окружныхъ судовъ самое лучшее воспоминаніе. Судебный слѣдователь по Судебнымъ Уставамъ 1864 года облеченъ очень большою властью, поставленъ во многихъ отношеніяхъ въ положеніе независимаго судьи и имѣетъ въ цѣломъ рядъ случаевъ право не подчиняться предложеніямъ обвинительной власти, когда онъ съ ними несогласенъ. Все это въ связи съ тѣмъ, что должность слѣдователя поставлена въ нашей судебной іерархіи такъ, что на нее назначаются и въ особенности назначались сравнительно

молодые люди, могло давать поводы не только къ упрямому проведенію непогрѣшимости своихъ взглядовъ на дѣло и на личность обвиняемаго, но и къ тому, чтобы вино власти бросалось имъ въ голову, какъ это случалось впоследствии съ земскими начальниками въ родѣ извѣстнаго Харьковскаго „кандидата правъ“ Протопопова и подобныхъ ему „кандидатовъ безправія“.

Но ничего подобнаго однако наблюдать мнѣ въ моей практикѣ не приходилось. Способности у слѣдователей были, конечно, различныя, но, за исключеніемъ одного, — Гераклитова, о которомъ я уже говорилъ въ воспоминаніяхъ о дѣлѣ серій¹⁾, — всѣ они были безпристрастными изслѣдователями дѣла и преданными, трудолюбивыми, безъ высокомерія и самолюбованія, слугами Судебныхъ Уставовъ, доказывая своею дѣятельностью, какъ мало было основанийъ къ предпринятому Министерствомъ Юстиціи упраздненію ихъ судейской несмѣняемости. Насъ объединяла общая работа и одинаковое желаніе служить дѣлу правосудія — и только ему. Съ чувствомъ искренняго уваженія вспоминаю я Казанскихъ слѣдователей — Г. П. Завьялова и И. В. Мѣщанинова (нынѣ сенатора перваго департамента), Харьковскихъ — Э. П. Фальковскаго, Н. Н. Языкова (впоследствии предсѣдателя Курскаго окружного суда) и В. Е. Шопена — и благодарю судьбу, пославшую мнѣ совмѣстную съ ними работу. Не могу также не вспомнить своеобразнаго и добродушнаго судебнаго слѣдователя одного изъ маленькихъ городовъ Харьковской губерніи, человѣка уже немолодого, съ длинной бородой, тихимъ голосомъ и чрезвычайно медлительной рѣчью. Онъ былъ большой домосѣдъ, выѣзжалъ изъ дому исключительно по дѣламъ службы и производилъ слѣдствіе съ сердечной вдумчивостью и щепетильной добросовѣстностью. Провинціалъ до мозга костей, онъ, повидимому, не бывалъ въ жизни нигдѣ дальше двухъ ближайшихъ губернскихъ городовъ и былъ далекъ отъ всякой злобы дня. Когда лѣтомъ 1868 года въ Харьковъ прибылъ на ревизію министръ юстиціи графъ Паленъ, я, по его желанію, представилъ ему подробную характеристику судебныхъ слѣдователей моего участка и обратилъ его вниманіе на этого слѣдователя, какъ на наиболѣе заслуженнаго по годамъ службы и любви къ дѣлу. Познакомившись съ нимъ лично при проѣздѣ чрезъ уѣздный городъ, министръ раздѣлилъ мой взглядъ, и результатомъ этого было полученіе этимъ слѣдователемъ, совершенно имъ неожиданное, ордена св. Станислава, а вслѣдъ затѣмъ назначеніе членомъ вновь открытаго суда въ ближайшемъ округѣ. Черезъ пять лѣтъ, когда я былъ уже прокуроромъ Петербургскаго окружного суда, предо-

¹⁾ „Русская Старина“ 1908 г.

мною неожиданно предсталъ мой Харьковскій уѣздный домосѣдъ и объявилъ мнѣ, что, вопреки своимъ привычкамъ, рѣшился пуститься въ путь, чтобы посмотрѣть Петербургъ, посоветоваться съ Боткинымъ и кстати прокатиться въ первый разъ въ жизни по желѣзной дорогѣ, при чемъ вся первая и значительная часть его медлительнаго разсказа состояла въ подробномъ описаніи устройства и спеціальныхъ свойствъ этого необычнаго для него способа передвиженія, а остальная была посвящена восторгамъ передъ Петербургомъ, конно-желѣзною дорогой, циркомъ съ клоунами и учеными собаками и въ особенности Пассажемъ, который въ вечерніе часы производилъ на него чарующее впечатлѣніе. Я просто не узнавалъ въ моемъ жизнерадостномъ посѣтителѣ стараго, усидчиваго и неотзывчиваго на все чуждое его спеціальности работника.

— Вы, вѣроятно, представитесь министру? спросилъ я его.

— Нѣтъ, зачѣмъ? отвѣчалъ онъ мнѣ: я не затѣмъ пріѣхалъ сюда. Къ чему его беспокоить...

— И прекрасно дѣлаете. Ну, а у Боткина вы записались?

— Нѣтъ, зачѣмъ? такъ зайду какъ-нибудь, мимо идя...

— Ну, къ Боткину, мимо идя, заходить не приходится: у него надо записываться и иногда ждать недѣли по двѣ: до такой степени онъ занятъ.

— А у насъ въ NN это просто: зайдешь, застанешь, ну и посмотришь, а то, коли не пожалѣть трехъ рублей, то и къ себѣ пригласишь.

— Нѣтъ, знаете ли что—я дамъ вамъ письмо къ Сергѣю Петровичу, и онъ вамъ, если возможно, назначить пріемъ внѣ очереди.

— Нѣтъ, что же его беспокоить? Я лучше у насъ дома посоветуюсь. Путешествіе меня оживило, и я себя чувствую очень хорошо. Въ особенности эта желѣзная дорога, ну да и Пассажъ: какіе магазины, какія нарядныя дамы!..

При разставаніи я далъ ему дружескій совѣтъ не очень, хотя бы и платонически, увлекаться Пассажемъ и собирающимся тамъ наряднымъ обществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ разрѣшить мнѣ предоставить ему возможность пріятно провести вечеръ. Съ большимъ трудомъ и за довольно высокую цѣну удалось мнѣ достать для него билетъ на кресло второго ряда въ Большомъ театрѣ, гдѣ въ то время плѣняла петербуржцевъ своимъ голосомъ итальянская дива Патти. Черезъ нѣсколько дней онъ встрѣтился мнѣ на Невскомъ, по-прежнему совершенно загнипотизированный прелестями Петербурга.

— Ну, какъ вамъ понравилась Патти?

— Какая Патти?

— Да развѣ вы не получили билета въ Большой театр?

— Нѣтъ, какъ же!—получилъ, благодарю васъ. Какой удивительный театр! Я себѣ представить не могъ: пять ярусовъ и какъ отдѣланы! И какая люстра огромная! Интересно бы знать, какъ ее зажигаютъ?

— Да, интересно, но Патти-то, Патти?

— Это которая же? Такая чернявая? Хороша, надо сознаться. Но знаете, у насъ въ городѣ, гдѣ я учился, была цыганка Стеша, такъ у той голосокъ былъ еще звонче. Я, бывало, еще гимназистомъ ходилъ ее слушать: въ дворянскомъ собраніи цыганскій хоръ пѣлъ. Нѣтъ, но я вамъ скажу, въ циркѣ! выходитъ клоунъ въ разноцвѣтномъ парикѣ, рожа вся мѣломъ вымазана и выводитъ онъ двухъ собакъ...

— Вы, вѣроятно, уже скоро ѣдете?

— Да, да, на этихъ дняхъ. Хочу только представиться завтра министру юстиціи; знаете, думаю, узнаетъ онъ, что я былъ въ Петербургѣ, и скажетъ: вотъ NN я какое вниманіе оказалъ, а онъ былъ въ Петербургѣ и глазъ показать не захотѣлъ!

— Могу васъ увѣрить, что министръ этого не скажетъ: у него много болѣе важныхъ дѣлъ и время ему дорого. Да и откуда онъ можетъ узнать, что вы были въ Петербургѣ. А если бы и узналъ, то, повѣрьте, будетъ благодаренъ, что вы не пришли отнимать у него безплодно нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ, знаете, все-таки лучше пойти: а вдругъ узнаетъ!—сказалъ онъ, задумчиво разглаживая длинную до чреслъ бороду, придававшую ему библейскій видъ.

На другой день въ мой прокурорскій кабинетъ, часа въ два дня, неожиданно пришелъ онъ и поразилъ меня своимъ видомъ. Въ его походкѣ, жестахъ, голосѣ, перешедшемъ въ прерывистый шопотъ, и въ полной безнадежности взора сказывалось глубокое душевное удрученіе. При этомъ лицо его съ выраженіемъ застывшаго испуга имѣло необычный и необъяснимый, съ перваго взгляда, видъ. Я усадилъ его въ кресло, далъ ему напитокъ воды, и онъ со вздохами и паузами повѣдалъ мнѣ слѣдующее: „я былъ сейчасъ у министра... онъ вышелъ и, обходя всѣхъ, остановился противъ меня и пристально на меня посмотрѣлъ... Я назвалъ себя... „Ахъ, вы членъ суда,—сказалъ онъ—я попрошу васъ остаться до конца приѣма и приму васъ отдѣльно“... Вотъ, подумалъ я—ужъ извините—Анатолій Федоровичъ говорилъ, что не нужно, а графъ мнѣ отдѣльную аудіенцію даетъ. Надо воспользоваться случаемъ, если спросить, не желаю ли чего? что ему сказать: товарища ли предсѣдателя или члена палаты? Конечно, члена судебной палаты лучше... Только ушли всѣ, представлявшіеся... Зовутъ меня въ кабинетъ министра. Вхожу, а онъ

идеть мнѣ навстрѣчу, такой сердитый, да и говорить: „Вы, какъ членъ суда, должны знать правила службы, Развѣ вы не знаете, что гражданскіе чиновники не имѣютъ права носить бороды? А вы такую бороду носите, что и данные вамъ знаки отличія не видны. И вы, и ваши товарищи должны подавать примѣръ уваженія законовъ, а не нарушать ихъ. Вы не хотите подчиняться дѣйствующимъ постановленіямъ, а я изъ-за васъ получаю неприятности. Прощайте, я больше ничего не имѣю вамъ сказать“... (Оказалось, что незадолго передъ тѣмъ, при проѣздѣ Императора Александра II черезъ Динабургъ, на станцію для встрѣчи явились мѣстные мировые судьи. Государь крайне не любилъ видѣть бороды у представляющихся ему лицъ, и борода получила право гражданства въ нашемъ служебномъ быту лишь послѣ его кончины. Увидѣвъ въ средѣ Динабургскихъ судей нѣсколько бородатыхъ лицъ, онъ прошелъ мимо, кратко и сильно выразивъ свое неудовольствіе, и, вѣроятно, при одномъ изъ ближайшихъ докладовъ графа Палена обратилъ его вниманіе на эту инсубординацію).—„Что же теперь дѣлать?—шепталъ умирающимъ голосомъ мой посѣтитель — теперь все погибло; на моей службѣ поставленъ крестъ“... и онъ съ огорченіемъ разводилъ руками. „Полноте, это все забудется очень скоро. Успокойтесь и поѣзжайте съ Богомъ домой. Я знаю, что вы, какъ судья, не поступите вашими убѣжденіями ни предъ какимъ гнѣвомъ, а тутъ такое мимолетное неудовольствіе министра вдругъ заставляетъ васъ падать духомъ! Вамъ вреденъ петербургскій климатъ. Вотъ и у Боткина вы не успѣли побывать! Уѣзжайте-ка по-добру, по-здорову, да и въ лицѣ вы измѣнились такъ, что просто стали неузнаваемы“. Тутъ я пристально взглянулъ на него, чтобы провѣрить свои слова, и что же я увидѣлъ?! Библейская борода исчезла и вмѣсто нея отъ блѣднаго и разстроеннаго лица, почти до пояса тянулись длинныя, висячія бакенбарды и между ними свѣтился подбородокъ съ широкой дорожкой, свѣже присыпанной пудрой. „Когда это вы успѣли“?—подавляя невольную улыбку, спросилъ я несчастливца.—По выходѣ отъ министра,—скорбно отвѣчалъ онъ.—„Ужъ лучше бы до входа къ министру“,—сказалъ я. Онъ безнадежно махнулъ рукой, и мы расстались. Конечно, его предположенія о гибели служебной карьеры не оправдались, и онъ скончался въ должности товарища предсѣдателя, оставивъ по себѣ добрую память.

Въ томъ же Харьковѣ, но почти уже черезъ тридцать лѣтъ, мнѣ пришлось познакомиться и работать еще съ однимъ мѣстнымъ слѣдователемъ. Это былъ судебный слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ Марки. Воспоминаніе о тяжелой и чрезвычайно отвѣтственной работѣ по изслѣдованію причинъ и обстоятельствъ крушенія

17 октября 1888 года Императорскаго поѣзда между станціями Борки и Тарановка связано для меня съ личностью этого почтеннаго дѣятеля. Я встрѣтилъ въ немъ не только неустаннаго работника и отличнаго знатока своего дѣла, но и неліцемернаго, искренняго и стойкаго слугу Судебныхъ Уставовъ, умѣвшаго, когда нужно, безъ задора, но съ твердостью постоять за достоинство своего званія и самостоятельность своихъ дѣйствій. А это подчасъ было нелегко при той переоцѣнкѣ нравственной цѣнности судебныхъ званій, которая тогда начинала сильно развиваться и выражалась въ перемѣщеніи центра тяжести судебной дѣятельности изъ суда въ прокуратуру. Положеніе Марки, которому пришлось вести это слѣдствіе несомнѣнной и глубокой важности, особенно усложнялось еще разнообразіемъ взглядовъ вліятельныхъ сферъ и начальствующихъ лицъ на свойства и характеръ причинъ необычайнаго крушенія. Одни стремились найти въ немъ непременно и во что бы то ни стало признаки политическаго преступленія, не гнушаясь чужими иногда совершенно нелѣпыми доносами и собственными вымыслами *ad hoc*, не имѣвшими *никакой* фактической подкладки;—другіе винили во всемъ исключительно людей, которые сопровождали Государя и Его семейство, и властное слово которыхъ могло ускорить движеніе поѣзда до опасныхъ размѣровъ;—третьи во всемъ обвиняли правленіе и управленіе Поляковской дороги, хищнически эксплуатировавшія все предпріятіе въ виду наступавшаго вскорѣ срока выкупа желѣзной дороги казною;—четвертые придавали всему характеръ простой несчастной случайности и, наконецъ, пятые, и въ томъ числѣ прокуроръ судебной палаты Закревскій, съ поспѣшной впечатлительностью переходили отъ одного взгляда къ другому,—неумѣстно, суетливо и самовластно впутывались въ распоряженія слѣдователя или, наоборотъ, въ случаяхъ, когда ихъ содѣйствіе было необходимо, не торопились съ нимъ, кутаясь въ тогу оскорбленнаго самолюбія. А между тѣмъ матеріалъ накоплялся громадный, и разнообразная экспертиза открывала все новыя и новыя области, требовавшія подробнаго изслѣдованія. Въ свое время я подѣлюсь съ моими читателями подробными воспоминаніями объ изслѣдованіи причинъ крушенія 17 октября 1888 года, теперь же—такъ какъ пришлось къ слову—могу лишь сказать, что крушеніе это было послѣдствіемъ цѣлаго ряда причинъ, коренившихся въ общемъ неисполненіи своего долга должностными лицами и въ недобросовѣстности лицъ частныхъ. По выводу сложной экспертизы, произведенной цѣлой группой особо-свѣдущихъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ лицъ, крушеніе произошло отъ чрезмѣрной тяжести поѣзда при чрезмѣрной скорости на слабомъ пути, а основаніемъ къ такому заключенію послужило то, что, вопреки точнымъ и вполне определеннымъ спе-

ціальнымъ правиламъ о поѣздахъ чрезвычайной важности, потерпѣвшій крушеніе поѣздъ состоялъ вмѣсто одиннадцати изъ двадцати двухъ шестиколесныхъ вагоновъ и вѣсилъ поэтому вдвое больше,—имѣлъ неудовлетворительный и портившійся въ пути автоматическій тормозъ,—не имѣлъ никакихъ приспособленій для сигнализаціи,—даже простой веревки между локомотивомъ и вагонами,—двигался со скоростью шестидесяти пяти верстъ въ часъ вмѣсто установленныхъ тридцати семи и шелъ двойною тягой, т. е. съ двумя паровозами, тоже вопреки правиламъ разнаго типа (пассажирскимъ и товаропассажирскимъ).—Это, стоявшее многихъ жертвъ, крушеніе произошло на уклонѣ въ 0,013, тогда какъ для Европейской Россіи максимумъ уклона составляетъ 0,008, и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ гнилыя шпалы удерживали въ себѣ костыли отъ расшитыхъ поѣздомъ рельсовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ четырнадцать разъ слабѣе нормального.

Судебному слѣдователю Марки приходилось проявлять безпристрастіе истиннаго судебнаго дѣятеля и свою дѣловую выдержку среди разнообразныхъ общественныхъ и служебныхъ настроеній, вліяній, совѣтовъ, намековъ и инсинуацій. Но онъ шелъ своимъ путемъ и дѣлалъ свое дѣло. По внѣшнему виду этого скромнаго человѣка трудно было при первомъ знакомствѣ опредѣлить его внутреннее содержаніе. Наружность его была довольно своеобразна. На его длинное туловище съ короткими ногами природа посадила голову въ непослушныхъ вихрахъ надъ глазами, смотрѣвшими въ разныя стороны, и дала лицо добраго сатира съ длинной и рѣдкой бородкой, завершивъ свою работу тѣмъ, что выростила у запястья рукъ еще пару кистей съ полнымъ комплектомъ маленькихъ уродливыхъ пальцевъ. Эти „дополнительныя“ руки, какъ какая-то опухоль, возвышались подъ рукавами и при поспѣшныхъ и сильныхъ движеніяхъ выглядывали на свѣтъ Божій. Къ этому присоединялась особая изысканность манеръ, соответствовавшая его французской фамиліи, и глухой, замогильный голосъ. Но въ этихъ косыхъ глазахъ свѣтились живой умъ и тонкая воспримчивость, во впалой груди билось благородное, исполненное чувства долга сердце, и ни одна изъ его четырехъ рукъ, конечно, не подписала никогда ничего, за что этотъ достойный глубокаго уваженія судебный дѣятель могъ бы покраснѣть. Величайшею мечтою этого труженика, задавленнаго постоянною громадною работою, было полученіе мѣста члена судебной палаты, но его постоянно обходили, оставляя изнывать чуткой душою и слабымъ тѣломъ за тяжелой работою. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 1902 году въ Харьковѣ во время визита его въ семью, у которой я остановился. Онъ

постарѣлъ, сталъ еще менѣе красивъ, и вторая пара рукъ какъ-то еще больше торчала подъ рукавами его форменнаго сюртука. Отойдя со мною въ сторону отъ гостей, онъ рассказывалъ упавшимъ голосомъ, какъ тяжело ему производить—при наличности самыхъ безцеремонныхъ мѣстныхъ давленій—слѣдствіе надъ несчастными въ своей темнотѣ, легковѣрномъ невѣжествѣ и нравственной одичалости крестьянами Богодуховскаго и Валковскаго уѣздовъ, привлеченными за участіе въ безпорядкахъ и уже жестоко наказанными розгами подъ личнымъ руководствомъ губернатора князя Оболенскаго, вскорѣ завершившаго свою служебную карьеру генераль-губернаторствомъ въ Финляндіи. Тяжелые вздохи прерывали рѣчь добраго и безпристрастнаго человѣка, и въ глазахъ его свѣтилась изстрадавшаяся душа, оставившая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ навсегда свой необычный земной футляръ.

Со слѣдователями петербургскаго окружнаго суда мнѣ пришлось находиться въ служебныхъ отношеніяхъ почти въ теченіе десяти лѣтъ въ качествѣ товарища прокурора и прокурора, а затѣмъ по званію предсѣдателя суда. Многихъ изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ, другіе давно оставили свою должность—„иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече...“—но теплое чувство уваженія къ огромному большинству этихъ почтенныхъ дѣятелей живетъ въ моей душѣ и возникаетъ съ особой силой каждый разъ, когда я вспоминаю годы нашего совмѣстнаго служенія правосудію. Слѣдователей въ Петербургѣ было много: въ одной столицѣ было въ мое время пятнадцать слѣдственныхъ участковъ, да въ уѣздахъ шестнадцать, причемъ камеры столичныхъ слѣдователей, сосредоточенныя въ зданіи окружнаго суда, давали возможность постоянныхъ личныхъ съ ними сношеній и освобождали отъ излишней переписки.

Петербургскіе слѣдователи были людьми различнаго темперамента, способностей и опыта, накопляемаго долголѣтней практикой. Совершенно избѣжать нѣкоторыхъ треній между ними и лицами прокурорскаго надзора было конечно невозможно, но я тщательно устранялъ изъ возникавшихъ разногласій элементъ личной обидчивости и рѣзкаго проявленія своихъ правъ, въ забвеніи своихъ обязанностей по отношенію къ общему дѣлу. Я храню у себя письмо, присланное мнѣ при оставленіи мною должности прокурора судебнымъ слѣдователемъ К. И. Ламанскимъ, старѣйшимъ по годамъ службы и наиболѣе авторитетнымъ представителемъ слѣдователей, назначенныхъ при самомъ открытіи Петербургскаго суда (ихъ было семь: Ламанскій, Веберъ, Штанге, Витали, Запольскій, Доморацкій,

Федоровъ и Лелонгъ), — письмо, въ которомъ онъ благодаритъ меня за то, что за все время моего прокурорства (почти пять лѣтъ) я „поддерживалъ съ ними добрыя и откровенныя отношенія“, и затѣмъ говорить, что „если и возникали иногда маленькія недоразумѣнія, то за послѣдовавшимъ съ вашей стороны ихъ устраненіемъ и разъясненіемъ мы получали только большее расположеніе и довѣріе къ вамъ“.—Большинство изъ нихъ неохотно мѣняло свою живую дѣятельность на званіе члена суда или на должность товарища прокурора, сроднясь со своими участками и съ тѣсно сплоченнымъ товарищескимъ кругомъ. Нѣкоторыхъ изъ *утвержденныхъ* слѣдователей перваго года судебной реформы не могли соблазнить никакія назначенія, и, достойно неся и осуществляя свою судейскую независимость, они и умерли, занимая должность именно такого слѣдователя, какого себѣ представляли и начертали составители Судебныхъ Уставовъ.

Вскорѣ послѣ введенія судебной реформы явилась необходимость въ учрежденіи сначала въ Петербургѣ, а потомъ и въ Москвѣ должности *судебнаго слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ*. Эти слѣдователи имѣли право производить слѣдствія, по предложенію министра юстиціи, — какъ главы прокурорскаго надзора — на пространствѣ всей Россіи, не стѣсняясь раіонами окружныхъ судовъ, при которыхъ впослѣдствіи—уже много лѣтъ спустя — явились и судебные слѣдователи *по важнѣйшимъ дѣламъ*, но только подсуднымъ тѣмъ судамъ, въ округѣ которыхъ совершено такое „важнѣйшее“ преступное дѣяніе. Учрежденіе должности слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ надо признать весьма удачнымъ. Отсутствіе участка, обыкновенно обремененнаго дѣлами, пустыми по существу, но отнимающими иногда довольно много времени, каковы, на примѣръ, дѣла о кражѣ со взломомъ и о третьихъ кражахъ,—возможность всецѣло отдаваться изслѣдованію одного или двухъ дѣлъ и сопряженная съ этимъ относительная свобода въ распоряженіи своимъ временемъ—даютъ слѣдователю возможность производить дѣла съ особой полнотою, тщательностью и вдумчивостью, вести ихъ быстро и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, оставленнымъ преступнымъ дѣяніемъ въ средѣ причастныхъ къ слѣдствію лицъ. Въ рукахъ такого слѣдователя съ наибольшимъ успѣхомъ могутъ находиться дѣла, требующія значительной предварительной подготовки и серьезнаго изученія тѣхъ или другихъ явленій, условій или ненормальностей общественной жизни. Такія дѣла, тѣсно связанныя съ цѣлымъ строемъ вещей или сложившимися порядками, понавъ къ участковому слѣдователю, тормозили бы движеніе другихъ дѣлъ и велись бы сами безъ полнаго посвященія имъ его

силъ и времени; страдая поэтому трудно поправимою неполнотою и промахами, неизбежными при массѣ непрерывной и мелочной текущей дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ особо-важнымъ дѣламъ, помимо обширныхъ и сложныхъ дѣлъ, напримѣръ, о злоупотребленіяхъ въ акціонерныхъ обществахъ и о преступленіяхъ должности, относятся изслѣдованія выдающихся злодѣяній кроваваго или безчеловѣчнаго характера, которыя глубоко волнуютъ и смущаютъ общество. Быстрое и энергическое ихъ производство успокаиваетъ встревоженное общественное мнѣніе, а скорая передача ихъ въ судъ и публичное ихъ обсужденіе кладетъ предѣлы разнорѣчивымъ толкованіямъ, вреднымъ, по своему возможному вліянію на присяжныхъ, для постановки спокойнаго и безпристрастнаго рѣшенія.

Первымъ судебнымъ слѣдователемъ по особо-важнымъ дѣламъ при петербургскомъ окружномъ судѣ былъ назначенъ П. К. Гераковъ, опытный юристъ, соединявшій большія правовыя свѣдѣнія со спокойной твердостью своихъ всегда глубоко обдуманыхъ и строго безпристрастныхъ дѣйствій. Почти одновременно съ моимъ переходомъ изъ Казани въ Петербургъ на должность прокурора онъ былъ назначенъ членомъ петербургской судебной палаты, и мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось на первыхъ порахъ познакомиться съ двумя слѣдователями по особо-важнымъ дѣламъ совсѣмъ другого типа.

Въ одинъ февральскій день 1872 года ко мнѣ въ окружный судъ пожаловалъ судебный слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ московскаго окружнаго суда Реутскій, считавшійся большимъ спеціалистомъ по дѣламъ о сектантахъ и глубокимъ знатокомъ ученія, обрядовъ и своеобразной писанной литературы „особо вредныхъ“ сектъ, къ каковымъ принадлежать, главнымъ образомъ, скопцы и хлысты съ ихъ различными развѣтвленіями. Его знанія по этой части были несомнѣнно велики по объему, но едва ли были глубоки, существуя въ сыромъ видѣ, безъ яснаго ихъ анализа и вдумчиваго синтеза. Они пріобрѣтались урывками, по случайнымъ поводамъ и не были приведены въ систему. Изданная имъ книга „Люди Божьи и скопцы“ лучше всего это доказываетъ, представляя оригинальное соединеніе историческихъ данныхъ, официальныхъ свѣдѣній, матеріаловъ судебного производства и собственныхъ измышленій, изложенныхъ въ беллетристической формѣ, въ видѣ бытовыхъ сценъ, рассказовъ и подробныхъ бесѣдъ основателей и главарей сектъ между собою, слышать которыя авторъ въ дѣйствительности, по времени и мѣсту, не могъ. Все это изложено безъ всякой внутренней перспективы, съ изображеніемъ на первомъ планѣ и существеннаго, и мелочнаго, а потому не оставляетъ въ читателѣ никакого цѣлостнаго представленія. Маленькій и сухой,

съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и впалыми глазами, со складомъ рѣчи, въ которомъ слышалась большая нервность, вѣчно занятый своею спеціальностью и только о ней и говорящій, онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка, для котораго изслѣдованіе дѣлъ о хлыстахъ и скопцахъ обратилось въ своего рода охоту за этими сектантами. Въ сущности въ немъ судебный слѣдователь переродился въ горячаго и односторонняго обвинителя, ревниво охранявшаго непогрѣшимость своихъ выводовъ и ихъ практическаго приложенія.

Имѣвъ не разъ случай усомниться въ соотвѣтствіи его дѣйствій и распоряженій съ требованіями истиннаго правосудія, я неоднократно убѣждался въ его чрезвычайной любви къ дѣлу въ смыслѣ работы, въ которой онъ былъ неустаненъ, отдавая ей все свое время и не преслѣдуя—насколько я его понималъ—никакихъ личныхъ цѣлей. При нашихъ разговорахъ о дѣлахъ его спеціальности онъ со страстной настойчивостью высказывалъ такіе взгляды, что, мнѣ думается—рѣшись я назвать его въ глаза фанатикомъ, онъ съ напускною скромностью сказалъ бы, подобно Тургеневскому Михалевичу въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“: „увы! я еще не заслужилъ такого высокаго наименованія“.—Онъ прибылъ въ Петербургъ потому, что содержащійся въ московскомъ тюремномъ замкѣ арестантъ Холоповъ оговорилъ цѣлый рядъ лицъ въ Москвѣ и Нижнемъ Новгородѣ, а также въ Петербургѣ въ принадлежности къ скопческой ереси, рассказывая, что, завлеченный въ эту секту, онъ присутствовалъ при радѣніяхъ скопцовъ и даже при наложеніи „большой и малой печати“. Многое изъ этого, по словамъ Холопова, происходило и въ знаменитомъ въ первой половинѣ XIX вѣка скопческомъ „кораблѣ“, въ домѣ на углу Озерного переулка и Знаменской улицы въ Петербургѣ, гдѣ въ двадцатыхъ годахъ жилъ основатель секты „батюшка-искупитель“ Селивановъ, и гдѣ его посѣщали, подъ вліяніемъ увлеченія Александра I мистицизмомъ, самые высшіе петербургскіе сановники. Производя обширное слѣдствіе по заявленію Холопова и сосредоточивъ слѣдственныя дѣйствія въ Москвѣ, Реутскій находилъ необходимымъ лично произвести обыски въ Петербургѣ у цѣлаго ряда лицъ, содержащихъ, главнымъ образомъ, мѣняльныя конторы. Эти обыски должны были подтвердить указаніе Холопова на то, что обыскиваемые не только оскотлены, но и горячо распространяютъ свои вредныя заблужденія, приобрѣтая угрозами и лаской, деньгами и обѣщаніемъ выгодъ новыхъ адептовъ, надъ которыми совершаютъ свои изувѣрные обряды. Обыски эти представлялись дѣломъ сложнымъ, требовали содѣйствія полиціи и, по настойчивому желанію Реутскаго, присутствія лицъ мѣстнаго прокурорскаго надзора. Каждый разъ, когда онъ лично обращался

ко мнѣ о командированіи товарища прокурора, я спрашивалъ его о результатахъ произведеннаго обыкновенно наканунѣ обыска. „Самые блестящіе,—говорилъ онъ мнѣ съ особымъ удовольствіемъ— улики несомнѣнныя.—Что же найдено?—Да все, что нужно, всѣ доказательства принадлежности къ ереси: портреты Петра III, изображеніе Іоанна Крестителя съ агнцемъ, иконы съ „безбородыми“ угодниками, платочки съ крапинками, песокъ съ могилъ Селиванова и Шилова и т. п.—Ну, а что далъ вчерашній обыскъ? спросилъ я его однажды.—О! это несомнѣнный скопецъ,—уклончиво отвѣчалъ онъ—и изъ самыхъ вредныхъ.—Что же вы нашли у него?—Ничего не нашли.—Чѣмъ же онъ въ такомъ случаѣ, изобличается, если у него ничего не найдено?—Если ничего не найдено,—наставительно сказалъ мнѣ Реутскій,—это еще не имѣетъ рѣшающаго значенія: это только значитъ, что онъ хорошо спряталъ то, что его изобличаетъ“... Мнѣ невольно вспомнился при этомъ выступъ на Базельскомъ мосту черезъ Рейнъ, съ котораго, по рецепту знаменитаго „Malleus maleficarum“, бросали въ воду, со связанными руками, женщинъ, подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ и сношеніяхъ съ Сатаною, при чемъ если таковыя выплывали, то это служило доказательствомъ ихъ связи съ дьяволомъ и влекло ихъ на костеръ, а если не выплывали, то... не выплывали.

За обысками послѣдовали привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ, очныя ставки съ привезеннымъ изъ Москвы Холоповымъ,—чахоточнымъ человѣкомъ, съ довольно подозрительною и чрезвычайно однообразной подробностью повторявшаго свои заявленія и никогда не смотрѣвшаго въ глаза,—и наконецъ, цѣлый рядъ освидѣтельствованийъ мужчинъ и женщинъ на предметъ опредѣленія, есть ли печать и какая—малая или большая. По поводу послѣднихъ дѣйствій я вынужденъ былъ причинить Реутскому большое огорченіе. Ободренный предполагаемой имъ *успѣшностью* обысковъ и исчерпавъ въ этомъ отношеніи все, что можно, онъ со страстностью и, если можно такъ выразиться, дѣловою ненасытностью перешелъ къ освидѣтельствованиямъ. Въ одинъ прекрасный день онъ пришелъ ко мнѣ съ просьбой дать ему предложеніе о производствѣ освидѣтельствования всѣхъ женщинъ, проживавшихъ въ большомъ трехъ-этажномъ домѣ, на одномъ изъ угловъ тогдашней Ямской улицы около Лиговки, такъ какъ онъ подозрѣвалъ, по нѣкоторымъ намекамъ и неопредѣленнымъ воспоминаніямъ Холопова, что въ этомъ домѣ помѣщается тоже скопческій корабль или нѣчто въ родѣ скопческаго женскаго монастыря. Напомнивъ ему, что онъ совершаетъ отдѣльныя дѣйствія по слѣдствію, возникшему и производящемуся въ Москвѣ, куда и можетъ обращаться за прокурорскими

предложеніями, я отказалъ ему въ моемъ починѣ для осуществленія его чудовищнаго слѣдственнаго замысла по отношенію къ женщинамъ, ни именъ, ни званій, ни числа которыхъ онъ мнѣ даже привести не могъ. Но онъ усиленно настаивалъ на предложеніи, ссылаясь на то, что безъ него не рѣшается приступить, хотя и имѣеть на то право, къ такому важному и несомнѣнно богатому успѣшнымъ результатами дѣйствию. Мой повторный отказъ очень раздражилъ его, и онъ—привыкшій играть роль „излюбленнаго лица“ въ министерствѣ юстиціи—съ высокомернымъ самообольщеніемъ сказалъ мнѣ, что вынужденъ будетъ доложить министру юстиціи о томъ, что онъ въ своей дѣятельности не встрѣчаетъ необходимаго сочувствія и поддержки со стороны петербургской прокуратуры. На это и мнѣ въ свою очередь пришлось ему указать, что и я не лишень возможности попросить министра освободить меня или отъ всякихъ бесѣдъ съ московскимъ слѣдователемъ по сектантскимъ дѣламъ или отъ должности прокурора петербургскаго окружного суда. На этомъ мы и разстались. Я не предполагалъ тогда, что черезъ двадцать лѣтъ мнѣ, въ качествѣ сенатора докладчика по аппелляціоннымъ дѣламъ, придется встрѣтиться съ осуществленіемъ слѣдственнаго приѣма, задуманнаго Реутскимъ, но только въ другой мѣстности и обстановкѣ. Гакенрихтеръ Вейсенштейнскаго уѣзда баронъ Штакельбергъ, заподозрѣвъ въ убійствѣ новорожденнаго ребенка, найденнаго въ лѣсу, кого-либо изъ крестьянокъ деревни Рама и находя, что дѣвушки этой деревни „не отличаются нравственностью“, подвергнулъ ихъ, въ числѣ четырнадцати, освидѣтельствованію черезъ врача, при чемъ всѣ онѣ оказались ни разу не рожавшими, а три изъ нихъ совершенно дѣвственными.

По отъѣздѣ Реутскаго въ Москву продолженіе начатыхъ имъ слѣдственныхъ дѣвій по Петербургу было возложено, по распоряженію министра юстиціи, на судебнаго слѣдователя по особоважнымъ дѣламъ при петербургскомъ окружномъ судѣ Жуковскаго. Этотъ слѣдователь представлялъ полную противоположность Реутскому. Послѣдній имѣлъ за собою довольно долгіе годы службы, массу труда, большую техническую опытность и всецѣло отдавался излюбленному, хотя и односторонне понимаемому дѣлу. Въ немъ не было ничего безстрастно-чиновничьяго и, наконецъ, онъ все-таки сдѣлалъ свой, хотя и далеко не совершенный, вкладъ въ нашу бѣдную въ то время литературу о сектанствѣ. Жуковскій — сынъ губернатора и затѣмъ сенатора — всплылъ на поверхность какъ-то совершенно неожиданно на мѣсто П. К. Гераркова. За нимъ не было ни опыта, ни упорнаго труда, ни горячаго отношенія къ своимъ обязанностямъ. Зная, что въ

судебномъ вѣдомствѣ во время пребыванія министромъ юстиціи графа Палена протекція была немыслима, я и до сихъ поръ, по прошествіи сорока лѣтъ, не могу себѣ объяснить назначеніе такого малосвѣдущаго человѣка на важную должность въ столицѣ, такъ высоко поднятую его достойнымъ предшественникомъ Гераковымъ. И по наружности и по манерамъ,—изящный, франтоватый, высокій и красивый Жуковскій былъ полной противоположностью Реутскаго. Первыя же слѣдственныя его дѣйствія по громкому и сложному дѣлу о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Козловской дороги, къ которому, въ качествѣ обвиняемыхъ были привлечены акушеръ Колосовъ, бібліотекаръ медико-хирургической академіи докторъ Никитинъ и дворянинъ Ярошевичъ, при чемъ двое послѣднихъ обвинялись еще и въ приготовленіи къ отравленію своего сообщника по поддѣлкѣ Колосова ¹⁾, обнаружили въ новомъ судебномъ слѣдователѣ по особо-важнымъ дѣламъ полное отсутствіе способности устанавливать точныя и опредѣленныя границы производимому слѣдствію съ яснымъ сознаніемъ его цѣлей и практическаго значенія каждаго изъ предпринимаемыхъ дѣйствій. Его никакъ нельзя было назвать хозяиномъ дѣла, обдумавшимъ свойство и житейскую обстановку изслѣдуемаго преступленія и безпристрастно, но полно и обстоятельно, разъясняющимъ какъ фактическую его сторону, такъ и нравственную его подкладку.

Дальнѣйшія произведенныя имъ слѣдствія лишь подтвердили первое впечатлѣніе, имъ произведенное. Полное отсутствіе общей мысли, связующей всѣ частности дѣла, и правильнаго, согласнаго съ закономъ, пониманія состава преступленія,—склонность къ механическому подбору фактовъ, благодаря чему слѣдствія расплывались до безграничности и длились многіе мѣсяцы,—длиннѣйшіе, чрезвычайно отяготительные для свидѣтелей, допросы о самыхъ мелочныхъ и немѣющихъ значенія для дѣла обстоятельствахъ,—рѣзкое и надменное обращеніе съ вызываемыми къ слѣдствію, и наконецъ чрезвычайная и упорная щедрость на лишеніе заподозрѣнныхъ свободы безъ достаточныхъ основаній—таковы были характерныя черты этихъ слѣдствій и свойства этого слѣдователя. Съ особенною силою все это проявилось въ дѣлѣ о скопцахъ, начатомъ Реутскимъ. Весною 1872 года, вслѣдствіе сильнаго нездоровья, я долженъ былъ взять четырехмѣсячный отпускъ за границу. Вернувшись и покончивъ съ накопившимися неотложными вопросами и работами, я получилъ наконецъ, уже въ октябрѣ, возможность ознакомиться со слѣдствіемъ, производимымъ Жуковскимъ, и пришелъ въ большое смущеніе,

¹⁾ „Судебныя рѣчи А. Ѳ. Кони“ изд. 4-е. 1906 г.

чтобы не сказать болѣе. Оказалось, что, не озаботясь приобрѣтеніемъ точныхъ и научно-проверенныхъ свѣдѣній о существенныхъ признакахъ скопчества, онъ приступилъ къ широко раскинутой Реутскимъ уголовной паутинѣ, дѣйствуя ощупью, безъ всякаго плана, и сталъ плодить непроизводительную и безцѣльную переписку, держа подъ стражею по году людей, о которыхъ потомъ судебной палатѣ пришлось прекращать слѣдствіе по *отсутствію признаковъ преступленія*. При этомъ онъ путался въ совершенно чуждыхъ ему судебно-медицинскихъ вопросахъ, предаваясь сомнѣніямъ въ случаяхъ, вполнѣ ясныхъ, и нагромождая, безъ системы и связи, протоколъ на протоколъ, очевидно потерявшись въ массѣ сырого матеріала. Достаточно сказать, что изъ сорока привлеченныхъ къ слѣдствію чловѣкъ только одного судебная палата признала возможнымъ предать суду, да и тотъ не былъ самъ скопцомъ. Изъ этихъ сорока чловѣкъ часть, особенно престарѣлыхъ, оказалась освобожденною отъ суда по Высочайше утвержденному еще въ 1849 году положенію комитета министровъ, какъ оскотленные до 1816 года,—противъ двухъ (женщинъ) не обнаружено никакихъ уликъ,—а остальные еще въ 1854 году были оправданы рѣшеніемъ Сената какъ въ самооскотленіи или допущеніи оскотить себя во время совершеннолѣтія, такъ и въ распространеніи своей ереси „къ соблазну другихъ“.

Какихъ-либо признаковъ послѣдняго обвиненія не нашла и судебная палата, разсмотрѣвшая по подробному докладу П. К. Гераркова все огромное производство Реутскаго и Жуковскаго и не нашедшая возможнымъ придать значеніе противорѣчивымъ и возбуждающимъ основательныя сомнѣнія доносамъ Холопова. Это производство, потребовавшее отъ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ властей большой, по дознаніямъ и собиранію справокъ, подготовительной работы и сопряженное съ значительными денежными расходами для казны—оказалось совершеннымъ пустоцвѣтомъ, возбудивъ однако многія справедливыя жалобы и обнаруживъ полную несостоятельность Жуковскаго для производства „особо-важныхъ дѣлъ“. Для характеристики произвольности и шаткости его взглядовъ не могу не припомнить, что онъ постоянно и безъ всякаго основанія относился критически къ заключеніямъ врачей—Мержеевскаго и Баталина, работавшихъ подъ руководствомъ великаго знатока скопчества въ судебно-медицинскомъ отношеніи, автора цѣннаго и обширнаго по этому предмету сочиненія¹⁾, профессора и директора медицинскаго департамента Е. В. Пеликана, и подвергалъ поэтому привлечен-

¹⁾ Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества. Е. Пеликана. 1872 г.

ныхъ имъ къ слѣдствію, по большей части стариковъ и старухъ, повторнымъ, ненужнымъ и унижительнымъ освидѣтельствомъ. Въ то же время, на основаніи одного лишь полуграмотнаго свидѣтельства провинціальнаго уѣзднаго врача онъ содержалъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, подъ стражей въ качествѣ скопца—цвѣтущаго здоровьемъ торговца изъ Орловской губерніи, который тщетно слезно ссылался на то, что онъ женатъ и имѣетъ ребенка. При освидѣтельствovanіи его, по требованію прокурорскаго надзора, оказалось, что несчастный псевдо-скопца просто тестикондъ (по народному выраженію „Нутрецъ“) и что указанный врачъ или грубо ошибся или смастерилъ свое свидѣтельство, не ознакомившись вовсе съ физической природой этого человѣка.

Дѣло Григорія Горшкова, „духовнаго скопца“, несомнѣнно связаннаго многими узами съ „воинствующимъ“ скопчествомъ и обвиняемаго въ оскотленіи родного сына, неизвѣстно куда скрывшагося, слушалось въ іюлѣ 1873 года въ Петербургскомъ окружномъ судѣ. Обвиненіе, которое я энергически поддерживалъ, будучи глубоко убѣжденъ въ виновности подсудимаго, было, какъ оно и понятно, построено на совокупности косвенныхъ уликъ. Оно встрѣтило талантливое возраженіе со стороны защитника, князя Кейкуатова, который указалъ, между прочимъ, присяжнымъ засѣдателямъ на то, что дѣло Горшкова представляетъ лишь маленькій обломокъ отъ непрочнаго и развалившагося зданія, построеннаго руками двухъ слѣдователей „по особо-важнымъ дѣламъ“—одного слѣпо-усерднаго, а другого „невѣдавшаго, что творить“—и просилъ присоединить своего кліента къ остальнымъ тридцати девяти, привлеченнымъ неосновательно. Это не могло не повліять на присяжныхъ, и они оправдали Горшкова.

Въ 1874 году Жуковскаго замѣнилъ Иванъ Ѳедоровичъ Книримъ, и я узналъ въ немъ „настоящаго человѣка на настоящемъ мѣстѣ“, какъ говорятъ англичане. Очень высокаго роста, съ ясными голубыми глазами на умномъ и спокойномъ лицѣ германскаго типа, онъ представлялъ собою соединеніе всѣхъ свойствъ и качествъ, необходимыхъ для слѣдственнаго судьи, въ рукахъ котораго такъ часто находятся свобода, честь и въ значительной степени матеріальное положеніе не только обвиняемаго, но иногда и другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и отъ котораго, какъ отъ врача и священника, не могутъ быть скрыты подробности частной жизни, иногда въ самыхъ сокровенныхъ ихъ проявленіяхъ. Достаточно подумать, сколько зла, несчастія, позора и разоренія могутъ иногда причинить—легковѣрное и неprovѣренное отношеніе къ разнымъ заявленіямъ и доносамъ,—поспѣшный и непродуманный приступъ къ слѣдствіямъ объ

учрежденіяхъ и лицахъ, въ дѣятельности которыхъ играетъ существенную роль торговый или общественный кредитъ,—недостаточно обоснованное привлеченіе въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣламъ о преступленіяхъ противъ нравственности и противъ цѣломудрія женщинъ, въ которыхъ такъ часто пышно распускается ядовитый цвѣтокъ, называемый шантажемъ. Я уже говорилъ о Книримѣ въ моихъ воспоминаніяхъ о дѣлахъ игуменіи Митрофаніи и о поджогѣ мельницы Овсянникова¹⁾. Здѣсь могу лишь добавить одинъ эпизодъ, когда я видѣлъ обычно очень сдержаннаго и хладнокровнаго Книрима въ состояніи крайняго возбужденія и негодованія. Въ ноябрѣ 1874 года онъ производилъ очень серьезное слѣдствіе по дѣлу о подлогѣ завѣщанія, совершенномъ нѣсколькими лицами, принадлежавшими къ такъ называемой интеллигенціи и постепенно исчерпывавшими всѣ доступныя имъ средства для отклоненія отъ себя тяжелаго обвиненія. Slѣдствіе уже приходило къ концу, и Книримъ вызвалъ одного изъ главныхъ обвиняемыхъ для предьявленія ему слѣдственного производства и предложенія традиціоннаго вопроса—не желаетъ ли онъ чѣмъ-нибудь таковое дополнить въ свое оправданіе? Обвиняемый, уже имѣвшій въ рукахъ копіи со всего производства, не пожелалъ съ нимъ знакомиться, а на вопросъ Книрима указалъ, справясь въ принесенной имъ записочкѣ, на нѣсколькихъ свидѣтелей и нѣкоторые документы, а затѣмъ, оглянувшись по сторонамъ и видя, что писмоводитель и кандидаты на судебныя должности заняты своимъ дѣломъ въ обширной камерѣ слѣдователя, подалъ эту записочку Книриму и вмѣстѣ съ нею открытый пакетъ, прибавивъ вполголоса: „да вотъ еще и это“... „Der lange Friedrich“, какъ почему-то называли въ шутку Книрима сослуживцы, взявъ записку и пакетъ и увидѣвъ, что въ немъ лежатъ кредитные билеты, вскочилъ, какъ ужасенный и устремился черезъ длинные корридоръ и пріемныя слѣдователей и корридоръ товарищей прокурора ко мнѣ въ кабинетъ. „Этого такъ оставить нельзя,—говорилъ онъ, задыхаясь и совершенно „виѣ себя“, весь красный отъ волненія— „за что такое оскорбленіе! Я васъ прошу принять отъ меня объ этомъ оффиціальное заявленіе и нельзя ли возбудить преслѣдованіе противъ этого негодяя?“. Стараясь его успокоить, я обратилъ его вниманіе на трудность уголовного преслѣдованія лиходателей и на то, что всякое оглашеніе о предложенной и отвергнутой взяткѣ всегда вызываетъ въ обществѣ лукавое предположеніе, что отвергнувшій даръ желаетъ порисоваться своею неподкупностью. „Однако же нельзя такъ тяжко оскорблять безнаказанно,—волновался Кни-

¹⁾ „Русская Старина“ 1907—1908 г.

римъ—до сихъ поръ никто не выражалъ сомнѣнія въ моей честности, и онъ, человѣкъ образованный и самъ служившій, не могъ не видѣть, что я охотно предоставляю обвиняемымъ полную возможность приводить всевозможныя доказательства своей невинности. Онъ не могъ не понимать, какой обидный смыслъ имѣеть этотъ гнусный пакетъ! „Мы его за это и накажемъ безъ всякой огласки,—сказалъ я и приказалъ пригласить лиходателя изъ камеръ слѣдователя въ мой кабинетъ и тутъ въ присутствіи разстроеннаго Книрима сказалъ ему: „Г. судебный слѣдователь сообщилъ мнѣ, что вы передали ему вотъ этотъ пакетъ съ деньгами. Не желая допускать мысли, что вы могли это сдѣлать съ безплодной цѣлью повліять на ходъ слѣдствія, я высказалъ ему мнѣніе, что вы, вѣроятно, желали воспользоваться случаемъ просить его передать ваше пожертвованіе въ недавно учрежденное общество попеченія объ арестантскихъ дѣтяхъ, объ открытіи для которыхъ пріюта вы, конечно, читали въ газетахъ. Не такъ ли?“—Д-д-д-а, пролепеталъ тотъ... „Позвольте васъ искренно поблагодарить за это доброе дѣло: пріютъ очень нуждается въ средствахъ.... Потрудитесь пересчитать деньги, и получить временную росписку“... Книримъ облегченно вздохнулъ, улыбнулся и, уходя, крѣпко пожалъ мнѣ руку, а пріютъ арестантскихъ дѣтей неожиданно обогатился пятьюстами рублями.

Со времени оставленія мною совмѣстной службы со слѣдователями въ Петербургѣ прошло почти тридцать лѣтъ. Многое въ судебной практикѣ съ тѣхъ поръ измѣнилось и едва-ли къ лучшему. По дѣламъ, проходившимъ черезъ мои руки по должности оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента, я видѣлъ, какъ постепенно и нерѣдко при явномъ вліяніи и внушеніи, идущемъ съ іерархическихъ высотъ, вторгалось въ слѣдственную практику одностороннее обвинительное творчество. Оно проявлялось въ расширеніи изслѣдованія далеко за предѣлы состава и свойства преступленія и движущихъ къ нему побужденій,—въ производствѣ ненужныхъ и напрасныхъ экспертизъ по вопросамъ, въ которыхъ фантазія играла гораздо большую роль, чѣмъ разумная потребность,—въ приѣмахъ, облегчающихъ обвинителю на судѣ обходъ прямыхъ запрещеній закона и, наконецъ, въ привлеченіи къ слѣдствію *заподозрѣннаго* въ качествѣ *обвиняемаго* лишь въ самомъ концѣ всего иногда многотомнаго производства, почти наканунѣ его отсылки къ прокурору, когда на привлеченнаго сразу обрушивалась масса направленныхъ противъ него данныхъ, своевременно и лично защищаться противъ которыхъ и, быть можетъ, разрушить предубѣжденіе слѣдователя онъ былъ уже лишенъ возможности. Такъ, среди многихъ подобныхъ дѣлъ мнѣ вспоминается московское слѣдствіе о покушеніи на растлѣніе экзаль-

тированной молодой дѣвушки „красавцемъ-мужиной“, во время ужина въ отдѣльномъ кабинетѣ, послѣ ея успѣшнаго дебюта въ клубномъ спектаклѣ,—по которому судебный слѣдователь,—человѣкъ въ высокой степени благородный, но увлекающійся,—озаглавилъ каждый томъ производства, какъ главы романа:—„событіе преступленія“, „личность потерпѣвшей“, „личность обвиняемаго“ и т. д.—при чемъ между прочимъ были произведены допросы разныхъ лицъ о поведеніи *отца* обвиняемаго и о томъ, вѣлъ ли онъ нечистую картежную игру, и спрошены, въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, три выдающихся артистки Императорскихъ театровъ о томъ, что онѣ чувствовали послѣ перваго дебюта, и были ли бы онѣ въ состояніи послѣ этого противостоятъ дерзкому и неожиданному нападенію на свое цѣломудріе.—Вспоминается также петербургское дѣло Ольги Палемъ, убившей студента Довнара, не желавшаго продолжать съ ней любовную связь, по которому, несмотря на признаніе обвиняемою своей виновности въ сознательномъ убійствѣ подъ вліяніемъ раздраженія, было произведено изслѣдованіе всѣхъ ея связей за десять лѣтъ до совершенія преступленія, при чемъ, въ явное нарушеніе торговой тайны, были разсмотрѣны и оглашены расходы на нее, записанные въ торговыхъ книгахъ ея „покровителя“ въ Одессѣ. — Наконецъ, я не могу забыть слѣдствіе о графинѣ Н..., обвинявшейся въ присвоеніи чужому ребенку титула, фамиліи и правъ состоянія своего мужа, жившаго и умершаго въ другомъ городѣ въ разслабленномъ физическомъ и душевномъ состояніи. На дѣло было обращено исключительное вниманіе, но несмотря на то, что виновность подсудимой во взводимомъ на нее преступленіи представлялась несомнѣнной, присяжные вынесли ей оправдательный приговоръ, причину чего главнымъ образомъ слѣдуетъ искать въ томъ особомъ приѣмѣ для успѣха обвиненія, который былъ употребленъ при слѣдствіи. По закону прокуроръ не имѣетъ права ссылаться на судѣ на полицейскія дознанія, не имѣющія формы и силы слѣдственныхъ актовъ, но ему не можетъ быть отказано въ прочтеніи протоколовъ осмотровъ, произведенныхъ слѣдователемъ. Невзирая на совершенно ясный составъ преступленія графини Н. и на моральную ея цѣль—полученіе въ свое управленіе слѣдующаго малолѣтнему сыну маіората—и несмотря на ея письменное сознаніе въ этомъ, судебный слѣдователь, широко разработывая дознанія и свѣдѣнія сыскной и секретной полиціи о поведеніи обвиняемой съ 16-лѣтняго возраста, занялся изслѣдованіемъ ея нравственности за свыше чѣмъ двадцатилѣтній періодъ ея жизни. Поэтому для обвинителя явилась возможность вызвать на судѣ семнадцать допрошенныхъ при слѣдствіи свидѣтелей, подведенныхъ подъ двѣ рубрики: о *прошломъ подсу-*

ди.мой и о ея *характеристикъ*, при чемъ предъ присяжными развертывалась картина ряда романическихъ приключеній и любовныхъ связей обвиняемой,—ея знакомства съ дамой, занимающейся „устройствомъ продажной любви“, — ея нездоровья, требовавшаго лѣченія ртутью, и ея покушеній на самоубійство... Предъ присяжными была женщина уже далеко не молодая (42 лѣтъ), и они присутствовали въ теченіе семи дней при публичномъ обливаніи ея грязью изъ ея прошлой, не безупречной жизни.—Они могли себѣ представить все, что она должна была при этомъ переживать... и пожалѣли ее...

А. Ө. Кони.

